

Вильяма Генриховича. Он счел, что обстановка нормализовалась, решил вернуться в Нью-Йорк и до получения дальнейших указаний Центра не появляться в своей квартире, а жить в отеле под фамилией Коллинза.

Прибыв в Нью-Йорк, не имея связи с Центром, он решил понаблюдать со стороны за своим домом, посмотреть, все ли там спокойно. В квартире находился радиоприемник, который был ему нужен, и необходимо было уничтожить материалы, находившиеся в тайнике, которые могли дать контрраз-

кументам жил и т. д. Вначале Фишер отказывался наотрез давать какие-либо показания. Он заявил, что согласно уголовно-процессуальному кодексу Соединенных Штатов обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Однако настойчивость сотрудников ФБР, их угрозы и даже попытка побоев убедили его в том, что нужно придумать какую-то приемлемую легенду и строго ее придерживаться. Разведчик опасался, что американская контрразведка может начать оперативную игру с Центром от его имени. О его аресте пока в Центре

другой — через самого адвоката Донован профессионально и добросовестно выполнял обязанности защитника, но никогда не упускал возможности в критических ситуациях напомнить, что подзащитный упускает свой шанс, отказываясь от сотрудничества с американскими спецслужбами. Иногда такие беседы принимали форму нажима. Но каждый раз нелегал отвергал эти домогательства, действуя при этом с большим достоинством и тактом.

Мероприятия по вызову Фишера из американской тюрьмы были начаты в октябре 1957 года. Сотрудники центрального аппарата старались подобрать оптимальный вариант, который позволил бы начать переговоры с американцами.

В процесс работы была включена и Елена Степановна. В качестве ее адвоката был приглашен влиятельный юрист Вольфганг Фогель, член Коллегии адвокатов Большого Берлина. Он должен был выступать в качестве посредника перед американскими властями.

Важным моментом был подбор подходящего кандидата или кандидатов для обмена. В этот период найти таких людей было непросто. Американцы скептически относились к тому, что в СССР найдется равнозначный кандидат.

Лед тронулся неожиданно. 1 мая 1960 года в районе Свердловска был сбит американский разведывательный самолет У-2, который пилотировал Френсис Пауэрс, тридцатилетний американский летчик. Самолет принадлежал ЦРУ и был буквально напичкан разнообразной техникой. Задача летчика — сфотографировать ракетные базы под Свердловском.

Пауэрс выбросился с парашютом и был арестован. В дальнейшем американцы начали высказываться в пользу обмена Абеля на Пауэрса. Однако переговоры затянулись на полтора года. И только 10 февраля 1962 года произошел обмен. Он состоялся в Берлине на мосту Альтглинике-брюкке.

Сам Фишер следующим образом описывает события, которые предшествовали обмену:

“Был вечер 6 февраля, мы уже сидели запертые в камере. Подошел надзиратель и сказал: “Абель, возьмите вещи. Идите вниз”. Он подождал, пока я кончил сборы. Много времени они не заняли...

Внизу, когда мы вышли из блока камер, меня отвели в комнату дежурного. Там был начальник тюрьмы.

— Вам надо поехать в Нью-Йорк.

...Около двух часов ночи я уже был в самолете, а в пять утра меня принимал дежурный по тюрьме в Нью-Йорке. Через день, 8 февраля, в 15 часов, меня снова одели и вывели из тюрьмы. На улице у входа в тюрьму меня встретил Уилкинсон, бывший начальником тюрьмы в Атланте во время моего пребывания там.

Мы сели в машину, там оказалось еще несколько человек, и в сопровождении второй машины направились к югу...

Отъехав от Нью-Йорка примерно километров сто, мы подъехали к аэродрому, по всем признакам военному. У ворот произошла небольшая заминка — Уилкинсон позвонил кому-то по телефону, а затем наши машины подъехали к четырехмоторному самолету.

Уже темнело, и, когда мы поднялись в воздух и легли на курс, появились звезды. Я выглянул из окна, нашел Большую и Малую Медведицу, Полярную звезду и определил курс: мы летим примерно на 17 градусов к востоку от севера — следовательно, на Европу.

Я знаю, что большая дуга из Нью-Йорка на Северную Европу проходит в этом направлении и, когда Уилкинсон спросил меня, имею ли я представление о цели полета, я ему так и ответил: “На Европу”.

Он был несколько удивлен, но, когда я ему показал на звезды, он понял, откуда мне было это известно...

В Берлине мы приземлились на аэродроме Темпельгоф, где нас ждали какие-то люди с машинами. Проехав довольно долго по городу, мы подъехали к зданию оккупационных войск США. Меня повели в подвальный помещенье... Было совершенно ясно, что дело шло к обмену”.

Обмен произошел утром 10 февраля 1962 года. Вильям Генрихович сразу же попал в объятия друзей и коллег, которые принимали участие в этом мероприятии. Затем его привезли на служебную виллу в Карлсхорст, где ждали жена Елена Степановна и дочь Эвелина.

Состоялась товарищеская встреча. Был поднят не один тост. В конце встречи Вильям Генрихович сказал: “Я испытываю чувства человека, попавшего “с корабля на бал”. И радостно, и волнующе, и непривычно, непривычно до такой степени, что даже с бокала легкого сухого вина неизменно кружится голова. Откровенно говоря, я как во сне. Произошел такой разительный контраст обстановки, что даже трудно поверить в случившееся. “Корабль”, на котором мне пришлось находиться без малого пять лет, как вы знаете, имеет весьма прозаическое название — каторжная тюрьма министерства юстиции в городе Атланте. Там я старался делать все возможное для того, чтобы не уронить чести и достоинства советского человека, до конца выполнить свой служебный долг”.

В Москве Вильяма Генриховича приняли руководители Комитета госбезопасности, внешней разведки. Председатель КГБ огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении разведчика орденом Красного Знамени и приказом КГБ о награждении его знаком “Почетный сотрудник госбезопасности” и назначении на должность начальника отдела.

После лечения и отдыха Фишер приступил к работе. Помимо оперативной работы Вильяму Генриховичу приходилось много выступать в чекистских коллективах центрального аппарата и местных органов, а также на предприятиях, в школах и даже в сельских районах. Интерес к личности этого человека был очень велик. Почти десять лет после освобождения из тюрьмы Фишер оставался на службе в разведке, отдавая свои знания и опыт молодым сотрудникам.

Но пришла беда. 15 ноября 1971 года Вильяма Генриховича не стало. Он скончался в клинике онкологии после непродолжительного лечения тяжелой болезни, симптомы которой дали о себе знать лишь в самом последнем времени.

Он прожил 68 лет. Это был человек с большими разноплановыми способностями. Джеймс Донован так охарактеризовал его: “Это уникальный человек. Он говорил со мной об атомной энергии, как если бы он был лучшим другом Эйнштейна. Абель знал живопись, фотодело, ювелирное искусство, электронику, химию”.

К этому нужно добавить, что он был хорошим музыкантом, лингвистом, прекрасно знал юриспруденцию и литературу.

Особым его увлечением была живопись. Ей он отдавал львиную долю свободного времени. Им были написаны сотни картин, репродукции некоторых из них стали известны широкой публике.

Длительная безупречная служба Вильяма Генриховича Фишера в рядах сотрудников внешней разведки, его мужество и стойкость, беззаветная преданность Родине стали достойным примером. Его имя сохранится в памяти не только разведчиков, но и всех людей, которым дороги интересы нашего Отечества.

Н. ЕРМАКОВ

В 1999 году в Москве вышел альбом живописи, рисунка и графики В. Г. Фишера. Публикуемые работы сделаны в любимом им Подмоскowie.

ведке зацепку, чтобы выйти на другие дела резидентуры, известные Хэйханену.

Первое наблюдение показало, что в районе дома обстановка спокойная. Но разведчик решил не торопиться. Прошло еще три недели. Он информировал Центр о своем возвращении в Нью-Йорк, но получить ответ из-за помех в эфире, несмотря на все усилия, так и не смог.

После этого вечером он вновь появился у своего дома и, уловив удобную минуту, незаметно вошел в подъезд. Осторожно вошел в квартиру. Убедившись, что здесь все на месте, не зажигая света, он взял свой портативный приемник и, соблюдая меры предосторожности, вышел на улицу.

На маршруте к отелю “Латам”, где он остановился, разведчик проверил: все было спокойно.

На другой день он решил проверить тайник, находившийся в ателье под деревянной лестницей. В тайнике хранились пленки с несколькими письмами от семьи, почтовые адреса для связи с Центром, а также шифрованные записи установочных данных ряда источников, условия связи с ними, шифровальные блокноты.

Он вновь незаметно вошел в квартиру. Свет не зажигал. В тайнике все было в целости. Выложив документы на стол, он вспомнил, что в письменном столе должна лежать метрика на Коллинза, по данным которого он проживал в отеле “Латам”. Вильям Генрихович стал рыться в ящике и нечаянно смахнул со стола контейнер, где хранились пленки с письмами от семьи. Пошарив безуспешно в темноте на полу, он, понаблюдав из окна за улицей и не заметив ничего подозрительного, зажег свет. Он быстро нашел контейнер и через две минуты выключил свет.

Возвращаясь в отель, тщательно проверялся. В одном месте заметил человека, который показался ему подозрительным. Но дальнейшие проверки убедили его, что наблюдения за ним вроде бы нет.

Вернувшись в отель, он уничтожил записи, по которым можно было выйти на работавших с ним людей, сохранив лишь условия встречи на случай выезда из США, контейнер с пленкой, где были письма от семьи, текущие шифровальные блокноты и программу радиопередач. В случае ареста уликовых материалов было достаточно, но самое важное он сделал — уничтожил следы, по которым ФБР могло выйти на работавших с ним людей.

Вечером состоялся очередной радиосеанс. Несмотря на то, что радиоприемник раньше действовал безотказно, но этот раз сигналы проходили плохо из-за сильных помех. Расшифровать радиogramму полностью не удалось. Страдая от усталости, в третьем часу ночи он лег спать.

Около семи утра в дверь раздался стук, в комнату ворвались агенты ФБР и разведчику объявили, что он арестован. При этом сказали: “Полковник, мы знаем, кто вы такой и чем занимаетесь. Мы предлагаем вам сотрудничать с нами, в противном случае вас ждет тюрьма”.

Из того, что Фишер услышал, он сразу понял, что Хэйханен его предал. Воспользовавшись тем, что ему разрешили надеть брюки и рубашку и позволили выйти в туалет, он изорвал на мелкие кусочки и спустил в унитаз шифрблокноты и бумагу с записью вчерашней радиogramмы, которые находились в заднем кармане брюк. Однако некоторые улики все же попали в руки контрразведки.

Фэбээрцовы настойчиво требовали согласия на сотрудничество. Однако Вильям Генрихович только разводил руками и повторял, что здесь какая-то ошибка.

Ничего не добившись, сотрудники ФБР передали арестованного сотрудника отдела службы иммиграции и натурализации. В нью-йоркском отделении этой службы Фишера сфотографировали, сняли отпечатки пальцев. Через четыре часа его в наручниках доставили в аэропорт и на самолете привезли в г. Макален, штат Техас.

Здесь его поместили в одиночную камеру.

На другой день начался допрос. Следователь потребовал рассказать, кто он такой, когда прибыл в США, по каким до-

не знают, о предательстве Хэйханена тоже вряд ли известно. Он может выйти в эфир и сообщить, что заболел, вернулся поэтому в США и начал направлять радиogramмы от имени резидента.

Вильям Генрихович понимал, что для предотвращения возможной провокации со стороны ФБР есть только один путь — дать знать Центру о своем аресте.

Он хорошо представлял, что показания предателя и захваченные ФБР уликовые материалы будут служить достаточно убедительными аргументами в любой инстанции, в том числе и судебной, чтобы свидетельствовать, что арестованный является советским разведчиком. Однако признаться в этом нельзя, это решение было твердым. Но как сообщить Центру? У него созревает решение признать себя выходцем из России, который в числе перемещенных лиц попал в Германию, там в разрушенном доме нашел клад в несколько тысяч долларов, купил себе фальшивый паспорт и прибыл в США. Выступить он решил под фамилией Рудольфа Ивановича Абеля, своего старого товарища и сослуживца.

Такая легенда, по мнению разведчика, позволила бы обратиться за защитой в советское посольство, поскольку он мог претендовать на советское гражданство. А это, как он считал, будет сигналом для Центром.

Через некоторое время Фишер сообщил следователям, что готов рассказать о себе, и подготовил письменное обращение в советское посольство. Допросы продолжались целый месяц. Следователи все время старались склонить разведчика к сотрудничеству с ФБР. Убедившись, что Фишер не пойдет на предательство, сообщили ему, что дело передают в судебные инстанции, что после этого хода назад уже не будет и что его ожидает длительный срок в тюрьме, а возможно, и смертная казнь. Бумагу в посольство согласились направить, но скептически заявили: “Вы теперь КГБ не нужны, они постараются откритестить от вас”.

В реальности с обращением в посольство произошло то, чем пугали агенты ФБР. Ответ был таков: “Рудольф Иванович Абель посольству неизвестен, и в числе советских граждан не числится”.

Вместе с тем факт обращения арестованного в советское посольство лишил ФБР возможности предпринимать какие-либо шаги оперативного характера, полагая, что советская разведка уже осведомлена об аресте ее сотрудника.

...Условия содержания в тюрьмах — нью-йоркской окружной и федеральной исправительной в г. Атланта — были тяжелые. Состав заключенных был разным, но преобладали уголовники. Ссоры и драки, употребление наркотиков, которые непонятно как доставлялись в тюремные помещения, отравляли обстановку, делали ее невыносимой для многих заключенных.

Вильям Генрихович провел в таких условиях четыре с лишним года, но ни разу не пожаловался на плохое содержание.

Он обладал способностью находить себе занятие в любой обстановке. Его ум находился всегда в постоянном поиске увлекательных его идей. То он занимался решением математических задач, то составлением кроссвордов, изобретением различных приспособлений.

В этой связи Донован описывает ситуацию, которая сложилась, когда Фишер находился в нью-йоркской тюрьме. В камеру к нелегалу поместили одного отпетого уголовника, и адвокат решил поинтересоваться обстановкой. Донован приводит следующий диалог, который произошел между ним и его подзащитным:

— Я слышал, у вас появился сосед по камере?
— Да, — ответил Абель, — бедняга бандит.

— Как вы с ним уживаетесь?

— Очень хорошо, — сказал полковник, закуривая сигарету, — я учу его французскому языку. Видите ли, Скуиллат (фамилия заключенного. — Авт.) был очень расстроен в связи с тем, что снова попал в тюрьму, и первые дни вел себя, как зверь в клетке. Я не обращал внимания на его возню, но в конце концов она стала мешать мне решать математические задачи, с помощью которых я убивал время. И вот у меня появилась идея.

Я замечал, что у людей, таких как он, и некоторых других, привыкших действовать методами насилия, физическое утомление помогает успокаивать эмоциональное возбуждение. Мне трудно было что-нибудь придумать в маленькой камере с самым строгим режимом. Однако я заметил, что стены, потолок и пол камеры — грязные, и спросил, не хочет ли он поскрести их, чтобы сохранить свою физическую форму.

В конце концов он заявил, что займется этим делом. С тех пор каждый день по несколько часов он скреб камеру и содержал ее в абсолютной чистоте.

Я подумал, чем бы компенсировать его усилия, и предложил учить его французскому языку, и он был в восторге.

Я проявляю терпение — и без каких бы то ни было текстов мы добились весьма неплохих успехов”.

Разведчика не оставляли в покое и спецслужбы. С одной стороны, они действовали через администрацию тюрьмы, с